

Япония: классика и современность

ТЫСЯЧЕКРЫЛЫЙ ЖУРАВЛЬ СПОН ГОРЫ

Кавабата Ясунари

Ясунари Кавабата
Тысячекрылый
журавль. Стон горы
Серия «Япония: классика
и современность»

<https://litres.ru/71402800>

*Тысячекрылый журавль. Стон горы:
ISBN 978-5-17-160108-9*

Аннотация

<p><i>«Тысячекрылый журавль» – история нервного юноши, который запутался в себе и плывет по течению жизни. Роман о безответной любви и чувстве потери после смерти близкого человека.</i></p> <empty-line/><p><i>«Стон горы» – неспешное повествование, полное философских размышлений о старении и прожитой жизни, красочных зарисовок природы и подробных описаний быта послевоенной Японии.</i></p>

Содержание

Тысячекрылый журавль	5
Тысячекрылый журавль	5
1	5
2	12
3	22
4	32
5	40
Лесной Закат	46
1	46
2	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ясунари Кавабата
Тысячекрылый
журавль. Стон горы

© The Heirs of Yasunari Kawabata, 1949–1951, 1954

© Перевод. З. Рахим, наследники, 2024

© Перевод. В. Гривнин, наследники, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Тысячекрылый журавль

Тысячекрылый журавль

1

Даже вступив на территорию камакурского храма, Кикудзи все еще продолжал колебаться, идти ему или не идти на эту чайную церемонию. К началу он все равно уже опоздал.

Устраивая чайные церемонии в павильоне храмового парка Энкакудзи, Тикако Куримото регулярно посылала ему

приглашения. Однако после смерти отца Кикудзи не был там ни разу. Он не придавал значения этим приглашениям, считая их обычным проявлением уважения к памяти покойного.

Но на этот раз, помимо обычного текста, в приглашении была маленькая приписка – Тикако собиралась показать ему одну девушку, свою ученицу.

Прочитав приписку, Кикудзи вдруг вспомнил родимое пятно на теле Тикако. Отец однажды взял его с собой к этой женщине. Ему тогда было лет восемь или девять. Когда они вошли в столовую, Тикако сидела в распахнутом кимоно и крохотными ножницами стригла волосы на родимом пятне. Темно-фиолетовое пятно, величиной с ладонь, захватывало всю нижнюю половину ее левой груди и доходило почти до подложечки. На нем росли волосы. Их-то и стригла Тикако.

– Боже мой, вы с мальчиком!

Она, кажется, смутилась. Хотела вскочить, но потом, очевидно, подумала, что такая поспешность только увеличит неловкость и, чуть повернувшись в сторону, неторопливо закрыла грудь, запахнула кимоно и заправила его под оби.

Видимо, мальчик, а не мужчина заставил ее смутиться – о приходе отца Кикудзи Тикако знала, ей доложила об этом прислуга, встретившая гостей на пороге.

Отец в столовую не вошел. Он уселся в соседней комнате, гостиной, где Тикако обычно проводила свои уроки. Рассеянно разглядывая какэмоно¹ в стенной нише, отец сказал:

---

¹ Какэмоно – вертикально висящая картина или каллиграфическая надпись,

– Позволь чашку чая.

– Сейчас, – отозвалась Тикако.

Но она не торопилась встать. И Кикудзи увидел расстеленную на ее коленях газету, а на газете коротенькие черные волоски, точно такие, какие растут на подбородке у мужчин.

Был яркий день, а наверху, на чердаке, беззастенчиво шуршали крысы. У самой галереи цвело персиковое дерево.

Тикако, присев у очага, стала готовить чай. Ее движения были какими-то не очень уверенными.

А дней через десять после этого Кикудзи услышал разговор отца с матерью. Мать, словно открывая страшную тайну, рассказала отцу про Тикако: оказывается, у бедняжки огромное родимое пятно на груди, поэтому она и не выходит замуж. Мать думала, что отец об этом ничего не знает. Лицо у нее было печальное – наверное, она жалела Тикако.

Отец сначала только мычал, всем своим видом показывая удивление, потом сказал:

– Н-да... конечно... Но она ведь может предупредить жениха... Если он будет знать о пятне заранее, может быть, даже посмотрит на него, я думаю, это не повлияет на его решение...

– Вот и я то же самое говорю! Но разве осмелится женщина признаться мужчине, что у нее огромное родимое пятно, да еще на груди...

– Глупости, она уже не девица...

– Да, но все равно стыдно... Если бы родимое пятно было у мужчины, это бы не играло никакой роли. Он мог бы показать его жене даже после свадьбы – она бы только посмеялась.

– И что же, она показала тебе это родимое пятно?

– Что вы, не говорите глупостей!

– Значит, только рассказывала?

– Да. Сегодня, когда она пришла к нам давать урок, мы разговорились. Ну, она и разоткровенничалась... А вы что скажете – как может отнестись к этому мужчина, если она все-таки выйдет замуж?

– Н-не знаю... Может быть, ему будет неприятно... А прочем, иногда в этом есть свое очарование. К тому же этот недостаток может пробудить в муже особую заботливость, вскрыть хорошие стороны его характера. Да и не такой уж это страшный недостаток.

– Вы так думаете? Вот и я ей говорила, что это не недостаток. А она все твердит – пятно-то, мол, на самой груди!

– М-м-м...

– И знаете, самое для нее горькое – это ребенок. Муж-то уж ладно. Но если будет ребенок, она говорит, и подумать даже страшно!..

– Из-за родимого пятна молока, что ли, не будет?

– Почему не будет? Дело не в этом. Ей горько, что ребенок увидит пятно. Она, должно быть, все время об этом думает... Мне такое и в голову не приходило... А она говорит:

представьте, ребенок берет материнскую грудь, и первое, что он увидит, будет это безобразное родимое пятно. Ужасно! Первое впечатление об окружающем мире, о матери – и такое уродство! Это ведь может повлиять на всю его жизнь... Черное родимое пятно...

– М-м-м... По-моему, все это напрасные страхи, разыгравшееся воображение...

– Конечно! В конце концов, есть же искусственное питание для малышей, да и кормилицу можно взять.

– Родимое пятно – ерунда, главное, чтобы у женщины молоко было.

– Не знаю... Все же вы не совсем правы... Я даже всплакнула, когда ее слушала. И подумала, какое счастье, что у меня нет никаких родимых пятен и что наш Кикудзи никогда не видел ничего подобного...

– Н-да...

Кикудзи охватило справедливое негодование – неужели отцу не стыдно притворяться, будто он ничего не знает! И при этом отец не обращает никакого внимания на него, Кикудзи. А он ведь тоже видел это родимое пятно на груди Тикако!

Теперь, почти через двадцать лет, Кикудзи все представлялось в ином свете. Он смеялся, вспоминая об этом. Неловко тогда было отцу, вот уж, наверное, переволновался!

Но в детстве Кикудзи долго был под впечатлением того разговора. Ему исполнилось десять лет, а он все еще мучил-

ся тревогой, как бы у него не появились брат или сестра, которых будут кормить грудью с родимым пятном.

И самым страшным было не то, что ребенок появится в чужом доме, а то, что вообще будет жить на свете ребенок, вскормленный грудью с огромным, покрытым волосами родимым пятном. В этом существе будет что-то дьявольское, что всегда будет внушать ужас.

К счастью, Тикако никого не родила. Наверное, отец не допустил этого. Кто знает, может быть, печальная история о младенце и родимом пятне, заставившая мать прослезиться, была придумана и внушена Тикако отцом. Само собой разумеется, он не жаждал иметь ребенка от Тикако, и она не родила. Ни от него, ни от кого-либо другого после его смерти.

Тикако, очевидно, решила предварить события, рассказав матери Кикудзи о своем родимом пятне. Она боялась, что мальчик проболтается, потому и поторопилась.

Она так и не вышла замуж. Неужели родимое пятно действительно оказало такое влияние на ее жизнь?..

Впрочем, и Кикудзи не мог забыть этого пятна. Очевидно, оно должно было сыграть какую-то роль и в его судьбе.

И когда Тикако под предлогом чайной церемонии сообщила, что хочет показать ему одну девушку, перед глазами Кикудзи сейчас же всплыло это пятно, и он подумал: уж если Тикако рекомендует девушку, у нее, наверное, безупречно чистая кожа.

Интересно, как отец относился к этому родимому пятну?

Может быть, поглаживал его рукой, а может, даже покусывал... Кикудзи порой почему-то фантазировал на этот счет.

И сейчас, когда он шел через рощу, окружавшую горный храм, те же мысли, заглушая щебетание птиц, рождались в его голове...

С Тикако происходили определенные изменения. Уже года через два-три после того, как он увидел ее родимое пятно, она вдруг сделалась мужеподобной, а в последнее время и вовсе превратилась в существо неопределенного пола.

Наверное, и сегодня, на чайной церемонии, она будет держаться не по-женски самоуверенно, с каким-то наигранным достоинством. Кто знает, может быть, ее грудь, так долго носившая на себе темное родимое пятно, уже начала увядать... Кикудзи почему-то стало смешно, он чуть было не засмеялся вслух, но в этот момент его нагнали две девушки.

Он остановился, уступая им дорогу.

– Скажите, пожалуйста, по этой тропинке я дойду до павильона, где Куримото-сан устраивает чайную церемонию? – спросил Кикудзи.

– Да! – разом ответили девушки.

Он отлично знал, как пройти. Да и девушки в нарядных кимоно, спешившие по этой тропинке, явно направлялись на чайную церемонию. Но Кикудзи задал вопрос нарочно – чтобы ему уже было неудобно повернуть обратно.

Та девушка, которая держала в руках розовое крепдеши-

новое фуросики² с белым тысячекрылым журавлем, была прекрасна.

2

Кикудзи подошел к чайному павильону в тот самый момент, когда опередившие его девушки уже надели таби³ и собирались войти внутрь.

Через их спины он заглянул в комнату. Комната была довольно просторная, около восьми татами⁴, но народу набилось очень много. Сидели вплотную, почти касаясь коленями друг друга. Кикудзи не разглядел лиц – яркость и пестрота нарядов несколько ослепили его.

Тикако поспешно встала и пошла ему навстречу. На ее лице были и удивление, и радость.

– О-о, редкий гость, прошу вас, проходите! Как это мило с вашей стороны, что вы к нам заглянули! Вы можете пройти прямо здесь. – Она указала на ближайшее к нише сёдзи.

Кикудзи покраснел, чувствуя на себе взгляды всех находившихся в комнате женщин.

– Кажется, здесь одни дамы? – спросил он.

– Да. Были и мужчины, но уже разошлись, так что вы бу-

---

² Фуросики (букв. «банный коврик») – квадратный платок, в котором носят мелкие предметы.

³ Таби – традиционные японские носки с отделением для большого пальца.

⁴ В Японии принято измерять площадь комнаты в татами, татами равно примерно 1,5 м².

дете единственным украшением нашего общества.

– Ну что вы, какое же я украшение!

– Нет, нет, Кикудзи-сан, у вас столько прекрасных качеств! Вы действительно будете настоящим украшением.

Кикудзи показал ей жестом, что пройдет через основной вход.

Красивая девушка, заворачивая таби в фуросики с тысячекрылым журавлем, вежливо отступила в сторону, пропуская его вперед.

Кикудзи прошел в соседнюю комнату. Там были разбросаны коробки из-под печенья, чашек и прочей утвари, принесенной для чайной церемонии. Тут же лежали вещи гостей. За стеной в мидзуя служанка мыла посуду.

Вошла Тикако и села перед Кикудзи, да так поспешно, словно упала перед ним на колени.

– Ну как, красивая девушка, не правда ли?

– Какая? Та, у которой фуросики с тысячекрылым журавлем?

– Фуросики с журавлем? Не понимаю! Я говорю о девушке, которая только что тут стояла. О дочери Инамуры-сан.

Кикудзи неопределенно кивнул.

– О, с вами надо быть начеку, Кикудзи-сан! Вон какие мелочи вы замечаете. А я уж было подивилась вашей ловкости, думала, вы вместе пришли.

– Будет вам!

– Ну уж если по дороге встретились, значит, и впрямь

судьба. Да и ваш отец ведь был знаком с Инамура-сан.

– Разве?

– Да. Инамура-сан из солидного купеческого дома. Они раньше торговали в Йокогаме шелком-сырцом. Но девушка ничего не подозревает о наших планах, так что можете спокойно ее рассматривать.

Тикако говорила очень громким голосом, и Кикудзи ужасно боялся, как бы гости, отделенные от них всего лишь тонкой перегородкой, ее не услышали. Но тут Тикако наклонилась и зашептала ему на ухо:

– Все хорошо, если не считать одной маленькой неприятности. Знаете, пришла госпожа Оота, и вместе с дочерью... – Она сделала паузу и посмотрела на Кикудзи, как он будет на это реагировать. – Не подумайте только, что я ее специально пригласила. Вы же знаете, на чайную церемонию может зайти любой прохожий. Таков обычай. Здесь только что побывали две группы американских туристов. Вы уж не сердитесь на меня, ладно? Оота-сан слышала, что состоится чайная церемония, вот она и пожаловала. Но про вас – почему вы сегодня пришли – она, конечно, не знает.

– А я сегодня и не... – Кикудзи хотел сказать: «И не собираюсь устраивать смотрины», но язык у него словно прилип к гортани.

– Впрочем, неудобно должно быть не вам, а госпоже Оота. А вы держитесь как ни в чем не бывало.

Эти слова заделали Кикудзи. Связь Тикако с его отцом, оче-

видно, была недолгой и не очень серьезной. До самой смерти отца эта женщина продолжала бывать у них в доме. Ее приглашали уже не только для устройства чайных церемоний, но и просто помочь по хозяйству, когда приходили гости. Она превратилась в нечто среднее между компаньонкой и служанкой. Тикако часто работала на кухне вместе с матерью. Ревновать к ней отца было бы просто смешно – настолько мужеподобной стала она в последние годы. Мать, должно быть, и не ревновала, хотя и догадывалась, что в свое время ее супруг, видимо, довольно тщательно ознакомился с пресловутым родимым пятном. Но все уже было позади, в прошлом, и Тикако держалась абсолютно непринужденно, когда они вдвоем с матерью возились на кухне.

Кикудзи постепенно привык, что эта женщина всегда была к услугам их семьи, всегда была готова исполнить любой его каприз, и мало-помалу мучительное детское отвращение к ней прошло, уступив место легкому пренебрежению.

Может быть, пристав к семье Кикудзи, Тикако просто-напросто нашла удобный способ существования. Очевидно, такой образ жизни, равно как и мужеподобность, были заложены в ее натуре.

Во всяком случае, благодаря их семье Тикако снискала своего рода популярность как преподавательница чайной церемонии.

Когда умер отец, Кикудзи и вовсе примирился с Тикако и даже изредка ее жалел: кто знает, может быть, она после

единственной в своей жизни и такой мимолетной, почти иллюзорной связи подавила в себе женщину.

Мать относилась к ней ровно, без подчеркнутой враждебности. Оно и понятно – в последнее время ее тревожила не Тикако, а госпожа Оота.

Господин Оота, приятель отца по чайной церемонии, умер рано, отец взял на себя распродажу оставшейся после него чайной утвари и сошелся с его вдовой.

Тикако сразу об этом пронюхала, первой информировала мать и вдруг превратилась чуть ли не в приятельницу супруги своего бывшего любовника. Защищая интересы матери Кикудзи, она развила бурную, даже слишком бурную деятельность: выслеживала отца, время от времени усовещивала и запугивала вдову Оота, безо всякого стеснения являясь к ней домой. Казалось, в груди Тикако проснулась долго дремавшая ревность.

Мать Кикудзи, женщина застенчивая и робкая, совсем растерялась от такого энергичного вмешательства и жила в постоянном страхе перед, казалось, неизбежным скандалом.

Тикако даже в присутствии Кикудзи не стеснялась поносить госпожу Оота. А когда однажды мать попыталась ее урезонить, сказала:

– Пусть он тоже знает, это ему полезно.

– Представляете, – говорила она матери, – когда я у нее в последний раз была, ее девчонка, оказывается, сидела в соседней комнате и подслушивала. Я говорю, возмущаюсь,

естественно, и вдруг слышу – за стенкой кто-то рыдает...

– Девочка?.. – По лицу матери пробежала тень.

– Ну да, ее дочка. Ей, кажется, уже лет двенадцать. Ох, и устроили они спектакль! У этой госпожи Оота, по-моему, не все дома. Что бы сделал на ее месте нормальный человек? Выбранный бы ребенка за подслушивание и увел бы его куда-нибудь подальше. А она пошла в соседнюю комнату, вернулась с дочерью, обняла ее и усадила к себе на колени. И представляете, обе актрисы, и престарелая и малолетняя, начали напоказ лить слезы.

– Как же так?.. Жалко ведь девочку...

– Кому жалко, а кому и нет. Девчонка очень даже подходящее средство, чтобы повлиять на госпожу Оота... – Тикако перевела взгляд на Кикудзи. – Да и детям иногда это на пользу. Вот и Кикудзи-сан мог бы сказать отцу пару слов...

Тут уж мать не выдержала:

– Прошу вас, придержите свой язык! Слишком уж он у вас ядовитый!

– Ядовитый? И очень хорошо! А вы, Оку-сан, весь свой яд при себе держите, вместо того чтобы разом его выплеснуть, да и отвести душу. Вы вон как исхудали, а той ничего не делается, кругом гладкая. Небось еще несчастной жертвой себя воображает, думает, если у нее случилось горе, то можно вздыхать и плакать напоказ, а гадости делать исподтишка. Нет, вы представьте только: в гостиной, где она принимает вашего мужа, на самом видном месте красуется фотография

покойного хозяина дома! Я просто удивляюсь, как ваш супруг все это терпит!

И вот сейчас, после смерти отца, эта дама, которую Тикако так поносила, явилась сюда, на чайную церемонию, да еще не одна, а с дочерью.

Кикудзи внутренне передернуло, его словно окатили холодной водой.

Пусть сегодня, как утверждает Тикако, госпожа Оота пришла без приглашения, но если она вообще могла сюда прийти, значит, после смерти отца обе женщины поддерживают между собой какие-то отношения. Может быть, госпожа Оота даже дочь посылает к Тикако обучаться чайной церемонии... Все это было для Кикудзи полной неожиданностью.

– Если вам неприятно, может, попросить Оота-сан уйти? – спросила Тикако, заглядывая в глаза Кикудзи.

– Мне совершенно безразлично. А если сама догадается, пусть уходит.

– Не надейтесь, не такая она догадливая. Иначе не пришлось бы страдать ни вашему отцу, ни вашей матушке.

– Вы сказали, она пришла с дочерью?

Кикудзи никогда еще не видел дочь госпожи Оота. И сейчас он подумал – нескладно все получается... Госпожа Оота, ее дочь и девушка с тысячекрылым журавлем... С этой девушкой не хотелось бы встречаться в присутствии дочери Оота, которую он сегодня увидит впервые.

Но назойливый голос Тикако так и лез ему в уши, подхле-

стывая и щекоча нервы, и Кикудзи поднялся.

– Как бы то ни было, Оота-сан уже знает, что я здесь. Не бежать же мне или прятаться.

Он раздвинул сёдзи, ближайшее к токонома⁵, вошел в комнату и на почетном месте опустился на колени.

Тикако вошла следом за ним и отрекомендовала его присутствующим:

– Митани-сан. Сын покойного Митани-сана.

Кикудзи еще раз поклонился и, подняв голову, наконец-то смог рассмотреть всех девушек.

Должно быть, он был немного возбужден. Сначала он видел только праздничные наряды, слившиеся в сплошное яркое пятно. Лица блекли за пестротой красок. Теперь, несколько успокоившись, он разглядел их и увидел, что сидит прямо напротив госпожи Оота.

– Боже! – воскликнула госпожа Оота. В ее голосе звучали и удивление, и откровенная радость, которую конечно же сразу почувствовали все присутствующие. – Как давно мы не виделись! Прошу вас, не обижайтесь, что я так долго не подавала о себе никаких вестей.

Она легонько дернула за рукав сидевшую с ней рядом дочь, словно говоря – что же ты? Здравойся скорее! Девушка, залившись краской и, очевидно, совершенно смутившись, поклонилась.

Кикудзи был потрясен. В поведении госпожи Оота не бы-

---

⁵ Токонома – ниша в стене в японском доме.

ло ни тени враждебности, ни тени недоброжелательности. Казалось, она действительно обрадовалась. Казалось, эта совершенно неожиданная встреча доставила ей огромное удовольствие. Казалось, госпожа Оота совершенно не думает, в какое двусмысленное положение ставит себя в глазах присутствующих.

Ее дочь сидела молча, потупившись, не поднимая головы.

Госпожа Оота это заметила, и ее щеки чуть-чуть порозовели, но она несколько не смутилась и продолжала ласково смотреть на Кикудзи. Казалось, она вот-вот поднимется, подойдет и скажет Кикудзи что-нибудь интимное, задушевное.

– Вы тоже увлекаетесь чайной церемонией? – спросила она.

– Да нет... По-видимому, я не унаследовал от папы этих его склонностей...

– Странно... Я думала, такие вещи в крови...

Должно быть, на госпожу Оота нахлынули воспоминания. Ее глаза стали влажными и блестящими.

Кикудзи видел ее в последний раз, когда умер отец, на обряде прощания с усопшим.

За эти четыре года она совсем не изменилась. И белая длинная шея, не очень гармонизировавшая с полными, округлыми плечами, и вся ее не по возрасту стройная фигура были точно такими, как тогда. Раньше Кикудзи казалось, что по сравнению с глазами нос и рот у нее слишком маленькие. Но теперь он хорошенько рассмотрел ее лицо: нос был пра-

вильный, хорошо очерченный, очень милый, а нижняя губа в определенных ракурсах, когда госпожа Оота разговаривала, чуть-чуть выдавалась вперед.

Дочь унаследовала от матери длинную шею и округлые плечи. Но рот и глаза у нее были больше. Почему-то Кикудзи показалось смешным, что у девушки рот крупнее, чем у матери. Сейчас ее губы были плотно сжаты, большие глаза смотрели печально.

Бросив взгляд на огонь, тлеющий в очаге, Тикако сказала: – Инамура-сан, может быть, вы предложите Митани-сан чашечку чаю? Сегодня мы еще не имели удовольствия полюбоваться вашим стилем.

– Пожалуйста.

Девушка, у которой было фуросики с тысячекрылым журавлем, поднялась.

Кикудзи сразу про себя отметил, что она все время сидела рядом с госпожой Оота. Но, увидев госпожу Оота, он избегал смотреть на эту девушку.

Предложив дочери Инамура подать чай, Тикако, очевидно, хотела, чтобы Кикудзи мог хорошенько ее рассмотреть.

Девушка присела перед котелком и, чуть повернув голову, спросила:

– А в какой чашке?

– На самом деле, в какой? – подхватила Тикако. – Пожалуй, лучше всего в этой вот. Мне подарил ее покойный господин Митани. Это его любимая чашка.

Кикудзи отлично помнил эту чашку, которую сейчас поставила перед собой дочь Инамура. Отец действительно всегда пил чай из нее. Но... она досталась отцу от вдовы Оота.

Бедная госпожа Оота! Наверное, ей сейчас очень горько: любимую чашку покойного мужа она уступила господину Митани, а тот взял да и подарил ее, и кому... Тикако!

Бесчувственность и бестактность Тикако поразили Кикудзи.

Впрочем, госпожа Оота в этом отношении ничуть ей не уступала.

Над очагом поднимался легкий пар. Он клубился, будто сплетая прошлое этих двух уже не очень молодых женщин. А на этом фоне юная дочь Инамура с безукоризненной чистотой исполняла обряд приготовления чая. Кикудзи вдруг остро ощутил всю красоту девушки.

3

А дочь Инамура, наверное, и не подозревала о намерении Тикако показать ее Кикудзи.

Она совершенно спокойно приготовила чай и без тени смущения подала чашку Кикудзи.

Выпив чай, Кикудзи стал любоваться чашкой. Это был черный орибэ⁶: на одной стороне на белой глазури художник черной краской изобразил молодой побег папоротника.

---

⁶ О р и б э – один из видов керамики.

– Вы, конечно, ее помните, – сказала Тикако.

– Что-то подобное припоминаю... – неопределенно ответил Кикудзи, опуская чашку.

– Этот побег папоротника передает ощущение горной местности. Чашка очень хороша для ранней весны, Митани-сан пил из нее именно в это время года... Сейчас она, конечно, немного не по сезону, но я подумала, что вам будет приятно подержать ее в руках.

– Ну, что вы, отец ведь так недолго владел этой чашкой! У нее своя история. Если не ошибаюсь, она проделала долгий путь, пока дошла до нас – от мастера Рикю эпохи Момояма⁷. Значит, на протяжении столетий ее бережно сохраняли многие ценители чайной церемонии... Так что мой отец здесь ни при чем, – сказал Кикудзи, пытаясь заставить себя забыть, какие судьбы сплетались вокруг этой чашки.

Чашка от господина Оота перешла к его вдове, от нее – к отцу Кикудзи, а от отца – к Тикако. Из этих четверых людей двое – мужчины – уже умерли, а двое – женщины – присутствуют сейчас на чайной церемонии. Разве этого недостаточно, чтобы назвать судьбу чашки необычной?

– Мне бы тоже хотелось выпить из этой чашки. Я ведь из другой пила, – вдруг сказала госпожа Оота.

Кикудзи снова поразился. Что за странная женщина – то ли глупая, то ли совсем уж бесстыжая.

На ее дочь, не осмеливавшуюся поднять глаз, было жалко

---

⁷ Вторая половина XVI века.

смотреть.

Инамура приготовила чай для госпожи Оота. На девушку были обращены все взгляды. Но она оставалась совершенно спокойной, не подозревая, какие страсти бушевали вокруг черного орибэ.

Девушка исполняла обряд по всем правилам, как ее учили. Она делала все просто и естественно, безо всякой манерности. Казалось, чайная церемония доставляет ей истинное удовольствие. Да и во всей ее фигуре, в каждой ее позе была благородная простота.

На сёдзи за спиной девушки падала тень от молодой ливы, и ее яркое нарядное кимоно мягко светилось отраженным светом. От волос тоже исходил этот свет.

Пожалуй, для чайной церемонии в комнате было слишком светло, но свет только подчеркивал красоту девушки. Ее фукуса⁸, алая, как пламя, не казалась претенциозной, а, напротив, усиливала впечатление юной весенней свежести. Словно у нее в руках цвел красный цветок.

Казалось, еще секунда – и вокруг девушки закружатся тысячи крохотных белоснежных журавлей.

– Зеленый чай в темной чашке – как это прекрасно! – сказала госпожа Оота. – Невольно приходит сравнение с молодыми весенними побегами...

Хорошо еще, что она не сказала, кому принадлежала чашка, пощадила память мужа.

---

⁸ Фукуса – салфетка для чайной церемонии, обычно бывает белая.

Потом начался осмотр чайной утвари. Девушки не очень-то в ней разбирались, но для приличия восхищались и внимательно слушали объяснения Тикако.

И мидзусаси и тясяку⁹ раньше принадлежали отцу Кикудзи. Но Тикако об этом не упомянула. Кикудзи, разумеется, тоже промолчал.

После осмотра посуды девушки одна за другой начали расходиться. Кикудзи рассеянно смотрел на них, когда к нему подошла госпожа Оота.

– Простите, пожалуйста, мою нескромность! Но на меня, как только я вас увидела, сразу нахлынули дорогие воспоминания...

– Да...

– Как вы возмужали! Просто удивительно... – Казалось, из ее глаз вот-вот брызнут слезы. – Да-а... ведь и ваша ма-тушка... Я очень хотела прийти на похороны, да не осмелилась.

Кикудзи сделал недовольное лицо, но она продолжала:

– Как грустно... И мама ваша за отцом последовала... Вам, наверное, очень одиноко...

– Да...

– Вы еще не собираетесь уходить?

– Чуть попозже...

---

⁹ Мидзусаси – нечто вроде кувшина для воды, из которого подливают воду в котелок, стоящий на очаге; тясяку – ковшик, чаще всего бамбуковый, которым черпают кипяток из котелка.

– Мне бы хотелось как-нибудь поговорить с вами. Чтобы вы меня выслушали...

– Кикудзи-сан! – позвала из соседней комнаты Тикако.

Госпожа Оота поднялась с видимым сожалением. Дочь ждала ее в саду. Обе раскланялись с Кикудзи и ушли. Глаза девушки словно жаловались на что-то.

В соседней комнате Тикако вместе со своими постоянными ученицами и служанкой наводила порядок.

– Что вам говорила госпожа Оота?

– Да так... ничего особенного...

– Вы ее остерегайтесь. Она все время играет. Делает невинное лицо, изображает кротость, а что у нее на уме – неизвестно.

– Но у вас-то она, кажется, постоянный гость. Интересно, с каких это пор? – не удержался Кикудзи.

Выйдя из павильона, Кикудзи вздохнул полной грудью, словно надыхался ядовитых испарений. Тикако пошла вместе с ним.

– Ну как, понравилась вам дочь Инамура? Правда, прелестная девушка?

– Да, очень мила. Но, наверное, она бы мне понравилась гораздо больше, если бы я встретился с ней где-нибудь в другом месте, где не витает тень покойного отца и не было бы ни вас, ни госпожи Оота.

– И охота вам нервничать из-за таких пустяков! Уж к этой-то девушке госпожа Оота не имеет абсолютно никакого от-

ношения.

– Может быть... Но именно перед этой девушкой мне и было неловко.

– Почему? Если присутствие госпожи Оота вас расстроило, извините, конечно, но я ведь сегодня ее не приглашала. Так что между ней и дочерью Инамура нет никакой связи.

– Позвольте мне сейчас откланяться, – сказал Кикудзи.

Он понял, что, если они пойдут вместе, ему не отвязаться от Тикако.

Оставшись один, Кикудзи огляделся. На горном склоне росла дикая азалия, покрытая нежной завязью бутонов. Он глубоко вздохнул.

И зачем он пошел на эту чайную церемонию?.. Соблазнился письмом Тикако! Нехорошо. Но девушка с тысячекрылым журавлем и впрямь очень мила. От нее остается впечатление яркости и свежести.

Может быть, именно из-за нее встреча с двумя бывшими любовницами отца не оставила горького осадка. Но когда он подумал, что эти женщины живут и продолжают тревожить память отца, а мать умерла, в нем закипело возмущение. И снова перед глазами всплыло безобразное родимое пятно на груди Тикако.

Кикудзи снял шляпу и медленно шел навстречу бегущему по молодой листве вечернему ветру.

И вдруг вдали, у храмовых ворот, он увидел госпожу Оота. Он огляделся – куда бы скрыться?.. Пожалуй, если взо-

браться по крутому склону, все равно какому, справа или слева от дороги, можно выбраться из храмовых владений, минуя ворота.

Но он пошел прямо, не сворачивая с дороги. Щеки у него вдруг стали холодными и твердыми.

Завидев Кикудзи, госпожа Оота двинулась ему навстречу, ее лицо пылало.

– Я ждала вас. Мне захотелось еще раз вас увидеть, ведь неизвестно, когда мы теперь встретимся... Наверное, это дерзость с моей стороны, но... не могла я так просто взять и уйти.

– А где же ваша дочь?

– Фумико ушла с подругой... Вернется домой без меня.

– И ваша дочь знает, что ее мама... что вы ждете меня?
– спросил Кикудзи.

– Да, – ответила госпожа Оота, посмотрев ему прямо в глаза.

– Наверное, это ей неприятно. Мне кажется, наша случайная встреча на чайной церемонии произвела на вашу дочь тяжелое впечатление. Мне даже жалко ее стало...

Кикудзи нарочно подбирал слова, чтобы его высказывание могло показаться и уклончивым, и в то же время грубым.

Но госпожа Оота ответила очень откровенно:

– Вы правы. Ей было тяжело встретиться с вами.

– Еще бы! Ваша дочь достаточно намучилась из-за моего отца.

Он хотел добавить: «Так же, как и из-за вас», но сдержался.

– Совсем нет! – живо возразила госпожа Оота. – Ваш отец всегда был очень ласков с Фумико... Мне бы хотелось когда-нибудь, в спокойной обстановке, рассказать вам обо всем... Правда, девочка поначалу, как он ни старался, никак не могла к нему привыкнуть, но потом, уже к концу войны, когда воздушные бомбардировки страшно усилились, она вдруг резко изменилась. Не знаю уж, что с ней сделалось, но она вдруг стала очень заботиться о вашем отце... Нет, она не ласкалась к нему, а именно заботилась. Бывало, отправится в какую-нибудь дальнюю деревню за рыбой или за курицей. Одна. А ведь совсем еще девочка была. И бомбили все время. Так она и ездила – под бомбежками. Очень я за нее волновалась, представляете, что ей приходилось терпеть в дороге? Но она все равно ездила, очень уж ей хотелось угодить вашему отцу... В такую даль забиралась. Думаю, не раз подвергалась смертельной опасности. Но она так хотела... А ваш отец, он... он страшно удивлялся, почему вдруг Фумико стала так нежно к нему относиться... Да и меня поражала эта перемена. Я порой едва сдерживала слезы, глядя на нее, до того она была трогательной... А еще... горько мне очень было... Она ведь меня постоянно корила...

Только сейчас Кикудзи понял, откуда в те тяжелые годы в их доме порой появлялись удивительные лакомства. Отец, принося эти редкостные продукты, что-то говорил о

каких-то подарках. А оказывается, все это доставала дочь Оота, ее доброта поддерживала их семью.

– Я до сих пор не совсем понимаю, почему она тогда так переменялась, – продолжала госпожа Оота. – Скорее всего, почувствовала, какое это было страшное время – ведь смерть буквально каждый день ходила по улицам... Жалела она меня, наверное, очень жалела, вот и делала для вашего отца все, что было в ее силах.

Да, девочка, должно быть, много пережила, если тогда, к концу войны, вдруг почувствовала, чем живет ее мать. А мать изо всех сил цеплялась за свою любовь к отцу Кикудзи. И девочка сумела отойти от прошлого – забыть своего покойного отца – и проникнуться настоящим – жизнью матери, страшной, как и вся окружающая ее жизнь того времени.

– Вы заметили кольцо на руке Фумико?

– Нет.

– Это подарок вашего отца. Ваш отец во время воздушной тревоги всегда уходил домой. И Фумико всегда шла его провожать. Никакие уговоры не помогали, она твердила, мало ли что может случиться по дороге. О себе не думала, с ней ведь тоже все что угодно могло случиться. И вот однажды пошла его провожать и не вернулась. Я очень тревожилась, хорошо, думаю, если ее оставят ночевать у вас, а если нет... Одна, ночью, под бомбежкой... пришла только утром. Я спросила, где она была, она сказала – к вам не пошла, только проводила вашего отца до самого порога, а ночь провела

в каком-то бомбоубежище. Ваш отец, когда в следующий раз навестил нас, очень ее благодарил, говорил: «Большое тебе спасибо, Фуми-тян!» – и преподнес ей кольцо... Наверное, сейчас, на чайной церемонии, она прятала руку, стыдно ей было перед вами из-за этого кольца...

Кикудзи слушал госпожу Оота, и в его душе нарастала неприязнь. Странная женщина! Неужели она надеется своими рассказами вызвать в нем сочувствие к себе?!

Впрочем, ненависти или враждебности он к ней не испытывал, в ней была какая-то теплота, усыпляющая его настроенность.

Наверное, ее дочь не могла спокойно относиться к матери, оттого и начала так стараться.

Кикудзи показалось, что, рассказывая о дочери, госпожа Оота на самом деле говорила о своей любви.

По-видимому, ей страстно хотелось излить душу. Она очень обрадовалась встрече с ним и словно забыла, что перед ней не ее покойный возлюбленный, а его сын. Мысль, конечно, странная, но такое у Кикудзи было впечатление: говорит она с ним, а будто изливает душу другому, его отцу.

Враждебность, которую он некогда вместе с матерью испытывал к госпоже Оота, не то чтобы совсем прошла, но как-то смягчилась. И наверное, если бы он немного ослабил напряжение воли, ему легко было бы вообразить, что эта женщина любила именно его, ибо он и отец одно и то же... Очень уж велик соблазн – поверить в давнюю близость с этой жен-

щиной.

Теперь Кикудзи стал понимать, почему отец быстро порвал с Тикако, а с госпожой Оота был близок до самой смерти. Понял он и другое – Тикако ненавидит свою бывшую соперницу и продолжает над ней издеваться по сей день. И у него вдруг возникло жестокое желание ранить госпожу Оота, и побольнее. Уже не в состоянии удержаться, он сказал:

– Кажется, вы часто бываете на чайных церемониях у госпожи Куримото? Странно! Ведь в свое время она достаточно попортила вам крови...

– Да... верно... Но когда скончался ваш отец, я получила от нее письмо... И так мне было тяжело, так пусто и одиноко, что я... – Госпожа Оота опустила голову.

– А ваша дочь всегда ходит к ней вместе с вами?

– Нет, не всегда. А если и ходит порой, то через силу.

Они пересекли железнодорожные пути у станции Северная Камакура и пошли по направлению к горе, находившейся на противоположной от храма стороне.

4

Госпожа Оота была на добрых двадцать лет старше Кикудзи, ей сейчас было не меньше сорока пяти, но ему казалось, что он держит в объятиях совсем молоденькую женщину, гораздо моложе него.

Кикудзи было хорошо с ней, и он чувствовал себя совер-

шенно свободно, без обычной скованности, свойственной молодым одиноким мужчинам.

Кажется, он впервые понял, что такое женщина, да и что такое мужчина тоже. В нем проснулся мужчина, и это было удивительно, это волновало. Раньше он и не подозревал, какой может быть женщина – нежной, податливой... податливой до головокружения. Она увлекала его и в то же время покорно следовала за ним, и он растворялся в ней, как в сладком аромате.

Обычно Кикудзи после близости с женщиной испытывал нечто вроде отвращения. А сейчас, когда, казалось, должно было прийти настоящее отвращение, ничего подобного не чувствовал. Наоборот, на него нахлынул какой-то умиротворяющий покой.

Прежде ему всегда хотелось отодвинуться подальше от женщины, теперь же он не только не пытался отстраниться, а наслаждался близостью теплого, прильнувшего к нему тела. На него подолгу набегали сладостные волны, исходившие от женщины. И он даже не подозревал, что они могут быть такими приятными и продолжительными. В полудреме рождалось какое-то смутно-горделивое чувство, словно он повелитель, а она – рабыня, и эта рабыня моет ему ноги.

И в то же время в ее объятиях было что-то материнское. Вдруг он спросил, втянув голову в плечи:
– А вы знаете, что у Куримото вот здесь большое родимое пятно?

Кикудзи тут же понял, что сказал что-то нехорошее, но все в нем дремало, купаясь в сладкой лени, и, должно быть, поэтому ощущения вины перед Тикако не появилось.

– Прямо на груди, на этом вот месте, – добавил Кикудзи, протягивая руку к груди госпожи Оота.

Кикудзи так и подмывало сказать еще что-нибудь в этом роде. То ли ему вдруг захотелось причинить боль госпоже Оота, то ли это была своеобразная защитная реакция против собственного непривычного состояния. А может быть, он просто пытался за грубостью скрыть смущение – неудобно все-таки разглядывать ее грудь.

– Не надо, не хочу. – Госпожа Оота осторожно запахла кимоно. Впрочем, слова Кикудзи не произвели на нее особого впечатления. Она спокойно сказала: – Я первый раз об этом слышу. Пятно? Но его ведь не видно под одеждой.

– Почему же не видно?

– А как же?

– Если оно вот здесь...

– Да ну вас! Решили проверить, нет ли у меня такого же пятна?

– Нет, не то... Но интересно, что можно почувствовать, если у женщины есть такое пятно, а?

– Если... вот тут, да? – Госпожа Оота посмотрела на свою грудь. – Что это вам вдруг пришло в голову? По-моему, это не имеет никакого значения.

Госпожу Оота не так-то легко было пронять. Яд, выпу-

ценный Кикудзи, не причинил ей никакого вреда, зато сам он почувствовал, как отраву разлилась по всему его телу.

– Не имеет? Вы ошибаетесь! Я один-единственный раз видел это пятно, когда мне было лет восемь или девять, а оно до сих пор стоит у меня перед глазами.

– Но почему?

– Не знаю, но это так. Думаю, и в вашей жизни это пятно сыграло определенную роль. Разве Куримото не изводила вас? Ведь она чуть ли не каждый день являлась к вам домой и устраивала сцены, прикидываясь, что это мама и я ее подбиваем...

Госпожа Оота кивнула и тихонько отодвинулась от Кикудзи. Он крепко ее обнял.

– Наверное, она ни на секунду не забывала о своем родимом пятне, оттого и было в ней столько злости.

– Боже, какие страшные вещи вы говорите!

– А еще она, наверное, хотела отомстить отцу...

– Отомстить? Но за что?

– Понимаете, все свои неудачи она связывала с родимым пятном. Ей казалось, что из-за него отец постоянно унижал ее, а потом и совсем бросил.

– Пожалуйста, не говорите больше об этом. Неприятно все-таки.

Но госпожа Оота, должно быть, на самом деле ничего не испытывала. Родимое пятно для нее было чистейшей абстракцией.

– Я думаю, теперь все эти давние страдания прошли, и Куримото-сан живет спокойно, даже и не вспоминая о своем родимом пятне.

– Да, но разве страдания не оставляют душевных ран, если они даже проходят?

– Не знаю... Иногда мы очень страдаем, но проходит время, и прошлое со всеми его страданиями становится нам дорого...

Госпожа Оота говорила так, словно все еще находилась в сладостной полудреме.

И у Кикудзи вдруг вырвалось то, о чем он решил ни за что не говорить.

– На чайной церемонии рядом с вами сидела девушка...

– Юкико-сан? Дочь Инамура...

– Куримото пригласила меня специально, чтобы показать мне эту девушку.

– Боже мой!

Большие глаза госпожи Оота расширились и, не мигая, впились в лицо Кикудзи.

– Это были ваши смотрины, да? А мне ведь и в голову не пришло...

– Ну, какие же это смотрины...

– Нет, нет... как же так... И после смотрин, по дороге домой... вы... мы...

Из широко раскрытых глаз скатилась слеза и упала на подушку. Плечи госпожи Оота дрогнули.

– Как это скверно, как скверно! Почему вы мне раньше не сказали?

Она заплакала, уткнувшись лицом в подушку.

Такой реакции Кикудзи не ожидал.

– То, что скверно – всегда скверно. После смотрин... по дороге домой... При чем здесь смотрины? Какая связь может быть между этим?

Кикудзи сказал это с полным убеждением в своей правоте.

Но вдруг перед его глазами всплыл образ девушки, подававшей ему чай на чайной церемонии. Он увидел розовое фуросики с тысячекрылым журавлем. И сотрясавшееся от рыданий тело госпожи Оота показалось ему гадким.

– Как ужасно!.. Как ужасно!.. И как я только могла... Я преступница... Я... – Ее круглые плечи дрожали.

Кикудзи раскаяния не испытывал. Если бы он раскаивался, то, наверное, все это показалось бы ему отвратительным не из-за смотрин, а из-за того, что эта женщина некогда была любовницей его отца.

Но до последней минуты Кикудзи ни в чем не раскаивался и никакого отвращения не испытывал.

Почему так у него получилось с госпожой Оота, он до сих пор как следует не понимал; все произошло само собой, просто и естественно. А сейчас она плачет и что-то такое говорит... Может быть, она винит себя за то, что соблазнила его?.. Но разве она его соблазнила?.. Кажется, ничего подобного не было и в помине. Она потянулась к нему, он потя-

нулся к ней, и оба при этом не испытывали никакого внутреннего сопротивления. Очевидно, в тот момент соображения нравственности не тяготели над ними.

Они поднялись на холм, находившийся по другую сторону храма Энкакудзи, зашли в гостиницу и там поужинали. Просто ничего другого не оставалось делать – госпожа Оота говорила и говорила без конца, все глубже погружаясь в воспоминания, а Кикудзи слушал и не мог ее прервать. Наверное, смешно, что он вообще стал ее слушать, но госпожа Оота этого не чувствовала, ей хотелось рассказывать Кикудзи о его отце, и говорила она с большой теплотой. Теплота постепенно распространялась на Кикудзи, и вскоре он почувствовал себя окутанным нежностью и невольно проникся симпатией к госпоже Оота.

А еще он почувствовал, что отец, наверное, был с ней счастлив.

Эта обволакивающая нежность... Она была тому причиной... И если случилось что-то дурное, оно началось с этой самой нежности. Кикудзи упустил момент, когда он еще мог освободиться от госпожи Оота, а упустив, весь отдался приятной душевной расслабленности.

И все-таки в его душе, где-то на самом доньшке, оставался горький осадок. И наверное, пытаясь освободиться от него, он и заговорил о Тикако и о дочери Инамура.

Но его горечь оказалась слишком ядовитой. В Кикудзи начало подниматься отвращение к самому себе. И все же рас-

каиваться было нельзя: раскаяние только увеличит омерзение, и тогда он наговорит кучу гадостей госпоже Оота.

– Давайте забудем обо всем, – сказала госпожа Оота. – Ничего не произошло. Ничего не было.

– Правильно! Просто вы вспомнили отца...

– Боже мой!

Она оторвалась от подушки и изумленно взглянула на него. От слез и от лежания лицом вниз веки ее покраснели. Даже белки стали мутноватыми. Но в ее расширенных глазах Кикудзи заметил легкую тень недавней расслабленной умиротворенности.

– Мне даже и возразить нечего... Жалкая я женщина!

– Лжете! Все вы забыли! – Кикудзи грубо распахнул ее кимоно, обнажая грудь. – Впрочем... у вас ведь нет родимого пятна. Было бы – не забыли. Такие вещи остаются в памяти...

Кикудзи сам удивился своим словам.

– Не надо, не надо! Не разглядывайте меня! Я ведь уже не молодая...

По-звериному вздернув верхнюю губу, он прильнул к ее груди.

И снова накатились волны.

Потом он спокойно уснул.

В его сон ворвалось щебетание птиц. Ему показалось, что впервые в жизни птицы пели при его пробуждении.

Наверное, утренний туман омыл зеленые деревья. Навер-

ное, потом он вошел в его голову и тоже все промыл там до-
чиста. В голове не осталось ни одной мысли.

Госпожа Оота лежала спиной к Кикудзи. Когда же она повернулась на другой бок?.. Приподнявшись на локте, он осторожно, почему-то ужасно смущаясь, заглянул в лицо спящей, расплывавшееся в светлом сумраке.

5

Прошло примерно полмесяца после чайной церемонии у Тикако. И в один прекрасный день дочь госпожи Оота на-
несла визит Кикудзи.

Он засуетился. Проведя девушку в гостиную, вышел в сто-
ловую, открыл буфет и сам разложил на блюде пирожные. Но это его не успокоило. Он никак не мог понять, пришла Фумико одна или с матерью. Может быть, госпожа Оота не отважилась войти в его дом и ждет на улице?

Когда Кикудзи вернулся в гостиную, девушка поднялась с
кресла. Ее лицо было опущено, полные губы крепко сжаты,
нижняя, чуть выступавшая вперед губа казалась тонкой.

– Простите, что я заставил вас ждать.

Кикудзи прошел за спиной девушки и раздвинул стеклян-
ные двери, выходившие в сад.

Проходя мимо нее, он почувствовал едва уловимый запах
стоявших в вазе белых пионов. Фумико сжалась, ссутули-
лась, словно боясь распрямить свои круглые плечи.

– Прошу вас, – сказал Кикудзи и первым опустил в кресло.

Он вдруг совершенно успокоился – очень уж знакомой показалась ему Фумико, знакомой по сходству с матерью.

– Я понимаю, что веду себя неприлично, – сказала она, не поднимая головы. – Я не должна была приходить к вам...

– Ну что вы!.. Я рад, что вы без труда отыскали мой дом.

– Да...

Кикудзи вспомнил – ведь она же во время бомбежек провозила домой его отца!

Он чуть было не сказал об этом, но удержался. Только посмотрел на нее.

И ему вдруг стало тепло, как от летней воды – на него снова нахлынули волны госпожи Оота. Он подумал о ней: как бездумно и нежно – вся целиком – она отдалась ему... И как он был умиротворен...

Из-за этого, из-за тогдашней умиротворенности, ему было сейчас легко с Фумико. Напряжение совсем прошло, но он все же не осмелился заглянуть девушке в глаза.

– Я... – сказала она и, замолчав, подняла голову. – У меня к вам просьба... Я пришла из-за мамы...

Кикудзи затаил дыхание.

– Прошу вас, простите мою мать!

– Что?.. Простить?.. Но за что?.. – В голосе Кикудзи прозвучало неподдельное изумление. Но через секунду он догадался, что госпожа Оота была откровенна с дочерью. – Уж

если кого-то надо прощать, то, наверное, меня, – добавил он.

– Нет, нет! Вы простите ее!.. И за вашего отца тоже...

– Ну, если уж об этом речь, то это я должен просить прощения. А так кому же прощать? Ведь моей матери уже нет в живых.

– Да, но... Я подумала... может, это моя мать виновата, что они так рано умерли... и ваш отец и ваша мама... Я об этом и ей сказала.

– Ну и напрасно! Пожалели бы вы свою мать, она тут ни при чем.

– Если бы моя мать умерла раньше, наверное... для всех было бы лучше...

Фумико, должно быть, в этот момент испытывала мучительный стыд. Кикудзи догадался – ведь она говорит о нем! Каким оскорблением, каким унижением был для нее этот случай!

– Прошу вас, простите ее, простите! – повторила она в безумном отчаянии.

– Какое тут может быть прощение! Я благодарен вашей матери, – ясно и твердо сказал Кикудзи.

– Это она, она во всем виновата! Моя мать ужасная женщина!.. – Голос девушки дрожал, она глотала слова. – Не обращайтесь на нее внимания! Оставьте ее, забудьте о ней, умоляю вас!

Кикудзи понял, какой глубокий смысл вкладывала Фумико в слово «простить» – не только не винить, но и забыть, не

трогать, не тревожить.

– И еще... пожалуйста, не звоните ей больше по телефону!

Она залилась краской и, словно пытаясь побороть отчаянный стыд, подняла голову и прямо посмотрела в лицо Кикудзи. В ее глазах стояли слезы. Но в этих глазах с огромной яркой радужной оболочкой совсем не было ненависти – только немая мольба.

– Я все понимаю, – сказал Кикудзи. – Простите меня!

– Умоляю вас!..

Краска, все больше заливая ее лицо, теперь потекла вниз, на светлую длинную шею, добралась до белой отделки ворота, подчеркивавшей красоту этой шеи.

– Мать обещала вам прийти и не пришла. Это я ее не пустила... Она не слушала меня, порывалась уйти, но я обняла ее и не пускала... Все время держала...

Голос девушки звучал уже более спокойно, словно ей стало немного легче.

Через три дня после той ночи Кикудзи позвонил госпоже Оота. Чувствовалось, что она страшно обрадовалась. Они условились встретиться в кафе, но она не пришла.

Больше он не звонил и не видел ее.

– Потом мне стало очень жалко маму. Но в тот момент я была сама не своя, ни о чем не думала, хотела лишь ее удержать. А она так плакала. Говорит – если ты меня не пускаешь, позвони сама, скажи, что я не приду... Я хотела позвонить, взяла трубку, а голоса нет... А она смотрит на аппарат

и плачет, плачет. Наверное, вы ей виделись, Митани-сан... Такая уж она у меня, моя мама...

Оба немного помолчали, потом Кикудзи спросил:

– А почему тогда, после чайной церемонии, вы ушли? Вы же знали, что ваша мать специально осталась... из-за меня...

– Мне хотелось, чтобы вы с ней поговорили, чтобы поняли, что моя мать не такой уж плохой человек...

– Не плохой?! Что вы, она хороший человек, слишком даже хороший.

Девушка потупилась. Небольшой, хорошей формы нос, крупные полные губы. И овал лица нежный, округлый, как у матери.

– Знаете, я иногда думал о вас... Мне ведь было известно, что у госпожи Оота есть дочь, вот я и фантазировал, как мы будем с этой девочкой разговаривать о моем отце...

Фумико кивнула.

– Я тоже иногда об этом думала.

Кикудзи стало немного грустно. Если бы между ним с госпожой Оота ничего не было, он бы мог безо всякого стеснения беседовать с этой девушкой о своем отце.

Но именно потому, что было то, что было, он теперь простил госпожу Оота, простил от всей души, и не осуждал уже больше отца за его отношение к ней. Но, может, все это чудовищно?

Фумико, очевидно почувствовав, что засиделась, вдруг заторопилась, поспешно поднялась с кресла.

Кикудзи пошел ее проводить.

– Если бы наступило такое время, когда мы с вами смогли бы спокойно поговорить о благородстве вашей матери, да и о моем отце тоже, как бы хорошо было, правда? – сказал Кикудзи и тут же внутренне удивился своим словам. Мысль довольно-таки странная, но он несколько не покривил душой – он действительно так думал.

– Да... хорошо бы... Но вы ведь скоро женитесь.

– Женюсь?

– Ну да! Мама мне говорила про Юкико Инамура. Вы ведь были на смотринах?

– Нет, это не совсем верно...

Сразу за воротами дорога шла под уклон. Где-то на середине холма она начинала петлять, и отсюда, если обернуться, дома Кикудзи уже не было видно, только вершины росших в саду деревьев еще рисовались на фоне неба.

Слова девушки вызвали в памяти Кикудзи образ другой девушки – той, с тысячекрылым журавлем.

Тут Фумико остановилась и попрощалась.

Он повернулся и пошел обратно, вверх по склону.

Лесной Закат

1

Тикако позвонила Кикудзи на службу. Когда он поднял трубку и услышал ее голос, у него вытянулось лицо.

– Вы с работы прямо домой?

– Еще не знаю...

Вообще-то, он никуда не собирался заходить, но теперь заколебался.

– Прошу вас, сегодня приходите прямо домой. Ради памяти вашего отца. Он в этот день всегда устраивал чайную церемонию. Я с утра об этом думаю и волнуюсь... Так разволновалась, что уж не могла усидеть на месте.

Кикудзи молчал.

– Пока я... Алло, алло! Вы слушаете? Пока я прибирала чайный павильон, мне захотелось что-нибудь приготовить...

– А где вы, собственно, находитесь?

– У вас, у вас дома. Простите, сразу вам не сказала.

Кикудзи поразился.

– Вспомнила я этот день и прямо места себе не находила. Не успокоюсь, думаю, пока не пойду к вам и не наведу порядок в чайном павильоне. С вашего позволения, конечно. Надо бы раньше вам позвонить, предупредить вас, но... бо-

ялась, что вы, Кикудзи-сан, откажете...

После смерти отца чайный павильон пустовал. Правда, мать иногда ходила туда и подолгу сидела там в полном одиночестве. Но она не разжигала огня в очаге, а брала с собой чугунный чайник с кипятком. Что она там делала, в тишине, совсем одна? Наверное, думала о своем. Кикудзи всегда волновался, когда мать затворялась в чайном павильоне. Он был уверен, что думы у нее были невеселые.

Сколько раз он хотел пойти туда и посидеть вместе с ней, но почему-то так ни разу и не зашел.

Пока был жив отец, в чайном павильоне царствовала Тикако и мать туда не ходила.

А теперь, когда и отец и мать умерли, павильон всегда был закрыт. Лишь старая служанка, давно жившая в их доме, проветривала его несколько раз в году.

– Скажите, с каких пор не убирался чайный павильон? Сколько я ни протирала татами, они все равно пахнут плесенью. Ну как так можно! – Тон Тикако становился наглым. – Пока я мыла да прибиралась, очень мне захотелось что-нибудь приготовить. Конечно, когда все получается вот так, экспромтом, особенно не развернешься – продуктов-то у вас почти никаких. Но я все же приготовила кое-что. Поэтому и прошу, чтобы вы сразу пришли домой.

– Гм... Вы меня удивили...

– Вам одному, наверное, скучно будет. Может, захватите с собой приятелей? Кого-нибудь из сослуживцев...

– Ну уж нет, ничего не выйдет! У нас тут нет любителей чайных церемоний.

– И очень хорошо, если они в этом не разбираются! Все ведь будет очень скромно, на скорую руку. Пусть придут за просто.

– Ничего не выйдет! – повторил Кикудзи с тайным злорадством.

– Да? Вот досада! Что же делать? Может быть, пригласить кого-нибудь из друзей вашего отца по чайной церемонии?.. Впрочем, нет, их приглашать неудобно. Ой, знаете, я, кажется, придумала! Хотите, позвоню дочери Инамура-сан?

– Да перестаньте вы суетиться! Никого я не хочу!

– Но почему? Это будет просто великолепно! Между прочим, ее семья заинтересовалась известным вам вопросом. Подумайте, как хорошо все складывается – она придет, вы еще раз посмотрите на нее, побеседуете в спокойной обстановке... Короче говоря, сейчас я туда позвоню. Вы не возражаете? И если она придет...

– Нет, возражаю! И вообще, прекратите вы это! – Кикудзи задохнулся от возмущения. – Ничего я не хочу, не хочу! Понятно? И домой не приду...

– Ладно, ладно... Это, конечно, не телефонный разговор. Поговорим после... Значит, после работы вы сразу домой...

– То есть как это «значит»?! Я же вам сказал...

– Ну да, ну да... сказали... А вы считайте, что я взяла да и приготовила вам небольшой сюрприз, и дело с концом!

Голос Тикако, навязчивый и вкрадчивый, как яд, проникал в душу Кикудзи. И он снова увидел ее, как тогда, в распахнутом кимоно, с огромным родимым пятном на левой груди.

В голове у него вдруг загудело, как в пустом чайном павильоне, который скребла и чистила Тикако. В висках отдались противный шорох веника и влажное хлюпанье мокрой тряпки.

И вновь в нем поднялось отвращение к этой женщине, и непереносимо было думать, что она тайком пробралась в его дом и сейчас наводит там порядок и стряпает на кухне.

Если бы она только прибрала чайный павильон, поставила бы там цветы, это еще куда ни шло. Он бы смирился – ради памяти отца. Но это!..

И все же сквозь клокодавшее внутри бешенство пробивался светлый луч – образ Юкико Инамура.

После смерти отца Кикудзи никаких связей с Тикако не поддерживал. Это получилось само собой. Может быть, теперь, воспользовавшись юной Юкико как приманкой, она хочет снова втереться в доверие, стать другом дома?

В сегодняшнем поведении Тикако было нечто смешное, вызывающее пренебрежительную улыбку, и в то же время подобная навязчивость настораживала.

И Кикудзи насторожился, потому что чувствовал себя уязвимым. Не будь этого, он бы не так реагировал на наглый звонок Тикако – он бы как следует ее отчитал. Но сейчас он

даже по-настоящему разозлиться не смел: собственная уязвимость делала его беспомощным. Небось она уже пронюхала, в чем его слабость, и, внутренне торжествуя, нагрянула в дом своей новой жертвы, Кикудзи не торопился домой. После работы прогулялся по Гинзе, зашел в крохотный, страшно тесный бар.

Тикако, конечно, права – домой ему все-таки придется вернуться, но он оттягивал этот момент, мучась от собственной уязвимости.

Впрочем, откуда ей знать о той ночи в гостинице, о той ночи, которая завершила чайную церемонию в павильоне храма Энкакудзи?.. Или она уже успела встретиться с госпожой Оота?

Ее телефонный звонок, ее требовательный, наглый тон заставляли подозревать, что за всем этим кроется нечто большее, чем обычная навязчивость.

Или это прелюдия – в стиле Тикако – к развитию его отношений с дочерью Инамура...

Кикудзи не мог усидеть в баре: его потянуло домой. Он пошел на станцию.

В электричке он устроился у окна и стал смотреть вниз, на широкий, обсаженный деревьями проспект, образующий почти прямой угол с полотном железной дороги.

Прспект пролегал с востока на запад, между станцией Юракутё и Токийским вокзалом. Солнце садилось, и асфальт сверкал ослепительно, как полоса полированного ме-

талла. Деревья Кикудзи видел против солнца, и их зелень казалась глубокой и темной, а тень прохладной. Одетые густой листвой, деревья широко раскинули свои ветви. По обеим сторонам проспекта стояли здания европейского типа – каменные, прочные.

Вокруг все словно вымерло – ни машин, ни пешеходов. Тишина, безлюдье. Странно голая лента асфальта и где-то вдали, на горизонте, ров и стены императорского дворца.

Битком набитый вагон электрички был ужасающе реальным и не имел никакого отношения к этому вечеру, лишь один проспект плыл в чудесном внеземном вечернем времени.

И Кикудзи вдруг представилась Юкико. Вот она идет в глубине аллеи, а в ее руках нежно розовеет крепдешиновое фуросики с тысячекрылым журавлем. Пожалуй, особенно отчетливо он видел даже не девушку, а именно фуросики и тысячекрылого журавля.

На Кикудзи повеяло свежестью.

И когда он подумал, что девушка сейчас, может быть, ждет в его доме, у него сладко забилося сердце.

Но почему Тикако сначала хотела, чтобы он привел своих сослуживцев, и лишь потом, когда Кикудзи отказался, предложила пригласить Юкико? Кикудзи ничего не понимал.

Когда он пришел домой, Тикако выскочила в переднюю его встречать.

– Вы один?

Кикудзи кивнул.

– Вот и хорошо, что один! Вас уже ждут. – Она подошла и взяла у него портфель и шляпу. – А по дороге вы куда-то заходили...

Должно быть, подумал он, по лицу видно, что выпил.

– Где же вы были? – продолжала Тикако. – Я ведь еще раз звонила вам на работу. Мне сказали, что вы ушли. Я засекала время, подсчитала, сколько вам потребуется на дорогу.

– Вы меня просто поражаете!

Время она засекала, а вот извиниться, что без его ведома хозяйничает у него в доме, даже и не подумала.

Тикако пошла следом за ним, в его комнату, намереваясь помочь ему переодеться. Она потянулась было к кимоно, приготовленному служанкой.

– Оставьте! – довольно резко сказал Кикудзи. – Не беспокойтесь, кимоно я надену сам. А то неудобно оставлять гостью одну.

Он снял пиджак и, словно убегая от Тикако, направился переодеваться в чулан. Вышел он оттуда уже в кимоно.

Тикако с места не сдвинулась, так и сидела в его комнате.

– Ах, одинокие мужчины!.. Уж какие вы молодцы!

Он буркнул что-то неопределенное.

– И не надоела вам холостяцкая жизнь? Скучно ведь, неуютно! Пора уж кончать...

– Почему неуютно? Я приспособился, да и у отца кое-чему научился.

Глаза Тикако на секунду впились в Кикудзи, потом она отвела взгляд.

На Тикако был кухонный халат, некогда принадлежавший матери Кикудзи. Рукава она завернула очень высоко, и ее обнаженные руки выглядели странно, словно были собраны из разных, не подходивших друг к другу деталей: сухие крепкие кисти, от кисти до локтя приятная полнота, а предплечья, особенно на внутренней стороне, дряблые, полные, в жировых складках. Кикудзи удивился, он думал, что руки у нее сильные, мускулистые.

– Наверное, лучше всего вам будет в чайном павильоне. А пока что я провела девушку в гостиную, – сказала Тикако. Ее тон стал сухим и несколько более официальным.

– Не знаю, в исправности ли там электропроводка. Я никогда не видел, чтобы в павильоне горел свет.

– Так зажжем свечи. Это даже оригинальнее.

– Нет уж, только не свечи! Неприятно...

Тикако вдруг встрепенулась, словно вспомнила нечто важное.

– Да, знаете, когда я позвонила Юкико, она спросила – с мамой прийти? Я, разумеется, сказала, что с мамой еще лучше... Но у госпожи Инамура оказались какие-то дела, и мы решили, что девушка придет одна.

– Кто – мы? Это вы решили! Вы все устроили! Интересно, что они подумали? Небось возмутились в душе – такая неучтивость, вдруг звонят и чуть ли не приказывают явить-

ся в гости!

– Может быть... Но девушка уже здесь. А раз пришла, то теперь не может быть и речи о нашей неучтивости.

– Почему же это?

– Очень просто! Прибежала девушка по первому звонку, значит, приятно ей ваше приглашение, значит, проявляет к вам интерес. А то, что внешне все это выглядит несколько необычно, не имеет никакого значения. Вы еще потом вместе благодарить меня будете, посмеетесь вместе – мол, уж эта Куримото, какие она штуки выкидывала! Когда люди между собой договорятся, не важно ведь, как они договаривались. По опыту знаю...

Тикако говорила весьма самоуверенно, она словно хотела сказать: «Чего юлишь, я же тебя насквозь вижу!»

– А вы что... уже говорили об этом?

– В общем, да.

Казалось, Тикако сама сгорает от нетерпения и подталкивает Кикудзи – да ну же, не тяни, решайся!

Кикудзи вышел на галерею и направился в гостиную. Проходя мимо большого гранатового дерева, попытался изменить выражение лица. Неудобно появиться с недовольным лицом перед девушкой.

Темная густая тень под гранатом напоминала родимое пятно на груди Тикако. Кикудзи тряхнул головой, стараясь отогнать видение. У входа в гостиную, на каменных плитах садовой дорожки, лежали последние отблески заходящего

солнца.

Все сёдзи гостиной были раздвинуты, Юкико Инамура сидела почти у самой галереи.

Кикудзи показалось, что от девушки исходит слабое сияние и освещает сумрачную глубину просторной комнаты.

В токонома в плоской вазе стояли ирисы.

И на поясе девушки были красные ирисы. Случайность, конечно... А впрочем, не такая уж случайность: ведь это очень распространенный символ весеннего сезона.

Ирисы в токонома были не красные, а розовые, на очень высоких стеблях. Чувствовалось, что цветы только что срезаны. Наверное, Тикако поставила их совсем недавно.

2

На следующий день, в воскресенье, был дождь.

После обеда Кикудзи пошел в чайный павильон. Надо было убрать посуду, оставшуюся после вчерашней чайной церемонии.

И кроме того, ему захотелось посидеть там одному. В душе поднималась смутная тоска, когда он вспоминал о Юкико. Может быть, и аромат еще оставался в павильоне.

Велев служанке подать зонтик, он сошел с галереи на каменную дорожку и тут заметил, что водосток в одном месте, под крышей, прохудился, и вода с шумом хлещет на землю у гранатового дерева.

– Надо починить, – сказал Кикудзи служанке.

– Да, надо.

Кикудзи вспомнил, что в дождливые ночи шум воды, выливавшейся из этой дыры, давно мешал ему спать.

– Впрочем, зачем чинить. Когда начинаешь ремонтировать одно, сейчас же выясняется, что и другое требует ремонта. Лучше уж продать дом, пока совсем не обветшал.

– Нынче все, у кого большие дома, так говорят, – ответила служанка. – Вот и вчерашняя барышня все удивлялись, какой у нас просторный дом. Наверное, барышня собираются жить в этом доме.

Кажется, служанка хотела посоветовать не продавать дом.

– Уж не учительница ли Куримото вчера наболтала?

– Да. Когда барышня изволили пожаловать, госпожа учительница повели их по всему дому, все им показали.

– Черт знает что такое!

Вчера Юкико ничего ему об этом не говорила. Кикудзи думал, что Юкико все время сидела в гостиной, а потом вместе с ним была лишь в чайном павильоне. Поэтому ему сегодня и захотелось проделать тот же путь – от гостиной до павильона.

Вчера он долго не мог уснуть. Ему все казалось, что в чайном павильоне сохранился запах ее духов, и он готов был вскочить посреди ночи и пойти туда.

Чтобы успокоиться и уснуть, Кикудзи раз сто повторил про себя: «Юкико для меня недосыгаема, абсолютно недосы-

гаема».

А теперь он вдруг узнает, что «недосягаемая» Юкико вчера спокойно ходила по его дому с Тикако и все разглядывала. Очень уж это неожиданно и как-то странно.

Он зашагал по дорожке к чайному павильону, велел служанке принести горячих углей для очага.

Тикако жила довольно далеко, в Кита-Камакура, и вчера ушла вместе с Юкико, поручив служанке прибраться в чайном павильоне.

Собственно говоря, убирать было почти нечего, только положить на место составленную в угол посуду. Но Кикудзи не очень ясно представлял, куда что класть.

– Тикако лучше знает, куда это все девать... – сказал он вслух.

Взгляд Кикудзи упал на токонома. Там висела узкая небольшая картина, иллюстрация к стихам.

Это была миниатюра Мунэюки – чуть тронутый тушью фон и на нем, тушью же, бледные расплывчатые линии.

Вчера Юкико спросила:

– Простите, чья это вещь?

Кикудзи не мог ответить.

– Кто его знает... Стихов нет, без них я не могу определить. Впрочем, и стихи, к которым пишутся подобные картины, все в одном стиле.

– Это Мунэюки, – вмешалась Тикако. – Картина написана к стихам: «Опять зеленеет сосна вековая, и даже нетленная

хвоя свой цвет изменяет весной». Теперь эта картина уже не по сезону, но ваш отец, Кикудзи-сан, часто вешал ее в этот день.

– По манере не разберешь, кто это – Мунэюки или Цураюки, – возразил Кикудзи.

Сейчас он разглядывал картину и убеждался, что действительно трудно определить, кто ее написал. Казалось, в этой миниатюре нет характерных черт, присущих какому-либо определенному живописцу, но зато в скупых расплывчатых мазках была затаенная щедрость, щедрость весны для всех. От картины исходил едва уловимый аромат свежести.

И картина, и стихи, и ирисы в плоской вазе напоминали о Юкико.

– Извините, задержалась, воду кипятила. Подумала, лучше кипятку принести, чем сырую воду, – сказала служанка, появляясь на пороге с углями для очага и чайником.

Кикудзи не собирался пить здесь чай. Он хотел только огня, потому что в павильоне было сыро.

Но в сознании служанки, очевидно, горящий очаг и котелок над огнем были неотделимы друг от друга, и она со всем усердием исполнила приказание хозяина.

Кикудзи небрежно бросил угли в очаг, повесил над ним котелок.

Общаясь с отцом, он с детства привык ко всем обрядам чайной церемонии, но сам этим не увлекался, и отец не настаивал, чтобы он учился.

И сейчас, когда вода в котелке закипела, Кикудзи продолжал рассеянно сидеть, лишь протянул руку и чуть-чуть отодвинул крышку котелка.

Татами отсырели, легкий запах плесени так и не выветрился.

Стены блеклых тонов, так прекрасно гармонизировавшие с изящной фигурой Юкико, сегодня казались мрачными.

Вчера у Кикудзи было такое ощущение, словно к нему в гости пришла девушка, воспитанная в европейском доме и лишь для приличия переодевшаяся в кимоно. Он сказал Юкико:

– Наверное, Куримото своим внезапным, не очень-то вежливым приглашением доставила вам массу хлопот. Это ее идея – устроить прием в чайном павильоне.

– Госпожа учительница сказала, что сегодня памятная для вашего дома дата: ваш отец в этот день всегда устраивал чайную церемонию...

– Да, кажется, так. По правде говоря, я никогда не думал об этих вещах и про сегодняшний день совсем забыл.

– Видите, а я в этот день получила приглашение... Может быть, госпожа учительница решила надо мной подшутить? Я ведь очень плохо разбираюсь в чайной церемонии... В последнее время столько уроков пропустила...

– Ну что вы! Куримото сама лишь сегодня вспомнила об этом, вот и прибежала наводить тут порядок. Сыро здесь, плесенью пахнет, чувствуете? – Кикудзи на секунду запнул-

ся. – Но... если нам с вами судьба познакомиться, было бы лучше познакомиться как-нибудь по-другому. Без вмешательства Куримото. Я чувствую себя перед вами, Инамура-сан, очень виноватым.

– Почему? Если бы не госпожа учительница, мы бы с вами вообще не встретились.

Это было чистой правдой, и возразить было нечего. Действительно, без Тикако они бы не встретились. Кикудзи словно бичом по лицу хлестнули. Слова девушки прозвучали так, словно она внутренне уже была готова к браку с ним. Во всяком случае Кикудзи так показалось.

И он поймал ее взгляд – немного недоуменный и взволнованно сверкающий. Или ему опять показалось?..

Интересно, однако, как Юкико воспринимает его пренебрежительное «Куримото», без вежливого добавления – «сан»? Знает ли она, что Тикако одно время была любовницей его отца?

– Понимаете, в чем дело... С Куримото у меня связаны не очень приятные воспоминания, – сказал Кикудзи и испугался, что у него сейчас задрожит голос. – Мне не хочется, чтобы эта женщина вмешивалась в мою судьбу... И все же ей я обязан знакомством с вами... Хорошо бы забыть об этом, не верить в это...

Тут вошла Тикако со столиком-подносом, и разговор оборвался.

– С вашего позволения посижу с вами!

Тикако тяжело опустилась на татами, ее плечи сразу обмякли, словно с них свалилась вся тяжесть недавних хлопот и приготовлений. Демонстративно отдышавшись, она бросила острый взгляд на Юкико.

– У вас только одна гостья в этот день, Кикудзи-сан, но ваш отец был бы очень рад такой гостье.

Юкико простодушно опустила глаза.

– Ну что вы! Я не достойна быть вхожей в чайный павильон господина Митани.

Словно не слыша этих слов, Тикако начала вспоминать те времена, когда был жив отец Кикудзи и когда в чайном павильоне частенько собирались гости.

Должно быть, Тикако считала брак Кикудзи и Юкико делом решенным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.